

Винниченко Александр

12+

СОРОКА ДЖОН И ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

ВОР ПРОТИВ ВОРА

Александр Александрович Винниченко

Сорока Джон и Похититель душ. Вор против Вора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40161972

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ неминуемо заставит Вас испытать весь спектр эмоций: будет смешно, страшно, грустно, радостно и снова смешно. История вернет читателя в детство, но также затронет серьезные взрослые вопросы. События, описанные в книге, происходят в постапокалиптическом будущем в небольшом уютном и странном городке. Главный герой 10-летний сирота и вор по прозвищу Сорока узнает страшнейшую тайну города и, рискуя собственной жизнью, отправляется в опасное приключение с целью вернуть своим друзьям похищенные у них души. Дорогие друзья, прошу вас оставлять свои отзывы и оценки, это поможет мне понять, стоит ли продолжать писать для Вас рассказы)

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com> по лицензии ССО

Ты никогда не знаешь, что приготовила тебе судьба, но тебе непременно придётся всё это съесть.

Глава первая

Два пальца за рыбу

Эта история произошла в то самое нелегкое время, когда человеку (как виду) приходилось несладко. Мы столкнулись с собственными демонами, которые уже очень давно рвались наружу. В результате, потеряв 70% населения Земли и оставив шумными оживленные города лежать века в виде руин, человечество попыталось восстановить тот самый оазис, которым оно обладало, но не ценило.

Ни июльский пыльный зной, ни палящие лучи полуденного солнца никоим образом не могли помешать двум босоногим мальчуганам завершить их разгоревшуюся партию в карты. Они комфортно разместились на паре ступенек у дверей опустевшего подъезда давно надежно заброшенного трехэтажного дома, расположенного неподалеку от центра города. Рядом подзывал прохожих хорошо всем знакомый продавец хот-догов. Вот уже шесть лет подряд он, подобно британскому королевскому караульному, изо дня в день занимал свой пост между круглым пустым фонтаном и треснувшим, как перезрелый арбуз, зданием центрального банка. Весь мокрый от пота усатый владелец тележки с фаст-фудом тщетно пытался укрыть свое тучное шарообразное тело в прозрачной тени небольшого голубого зонта. Редко проез-

жающие мимо машины оставляли за собой пыльный след, удручающий всякого прохожего, кроме двух юных картежников.

Игра была отложена на время по причине вовлечения в крайне серьезную беседу. Внешние раздражители были игнорированы двумя десятилетками. Мальчик, который был посветлее, имел важный вид. Он сосредоточенно и серьезно вслушивался в детали истории, повествуемой его приятелем. Подпирая большим пальцем левой руки подбородок, а указательным упираясь в губы и слегка наклонив голову на бок, он действительно создавал впечатление смышлёного не по годам мальчика. Его манеры, прямоугольные очки, правильная осанка, одежда и аккуратная короткая с зачесом на правую сторону стрижка послужили предпосылками для рождения его прозвища. Все звали его Умник.

Прозвища в кругах мальчишек никогда не были редкостью, а в компании этих местных разгильдяев подбирались с очень большой точностью, и потому нередко подходили им лучше, чем собственные имена. Умник был хорошо одет, что являлось редкостью в то время. На нем была синяя клетчатая рубашка и практически новехонькие джинсовые бриджи. Девятилетний зеленоглазый блондин был гордостью своей семьи, а с появлением наручных часов на запястье, стал еще и символом родительского достатка.

На самом деле, в то сложное бедное время люди делились на три группы: те, кто почти ни в чем себе не отказывали

(семья Умника была из таких); те, кто мог себе позволить немного и абсолютно нищие бездомные, побирающиеся в помоях обездоленные. Такое разделение произошло по причине практически полного вымирания человечества в 2048 году.

После того как цивилизация, достигнув пика своего развития, пришла в упадок, современное общество потерпело крах. В результате тотального экономического кризиса и последовавших за ним затяжных кровавых войн в мире осталось всего три крупных города-миллионера, пара сотен городишек и множество мелких полудиких колоний. Город Н***, в котором жили Умник, Сорока и их друзья, попадал под категорию небольших городов.

– ...Сом? – переспросил Умник своего оппонента по картам.

– Сом. – Совершенно спокойно ответил Сорока.

– По локоть? – с легким недоверием продолжал допрос Умник.

– По локоть. – Абсолютно спокойно и, глядя прямо в глаза, отвечал Сорока, – За свои десять с половиной лет я много рыбы повидал, но эта – определенно была самой вкусной.

Друга Умника прозвали Сорокой, на самом же деле этого черноволосого голодранца звали Джон Хаф. Джон целиком и полностью принадлежал третьей группе населения: был бедным, бездомным, и сиротой. Имя ему придумал Стивен Мордсон – хмурый пятидесятилетний работник пресса на

металлической свалке – по большей части, ныне бесполезных для человека вещей. Там же Стивен и обнаружил маленького годовалого Сороку, плотно завернутого в тонкое грязное вафельное полотенце и аккуратно помещенного в картонную коробку, судя по всему, в прошлом служившей домом для пары отличных крупных ботинок. Уловив крик младенца, доносившийся из коробки под дверью вагончика работников мет-свалки, хмурый Стивен оказал очень дорогую услугу Джону – спас его только недавно зародившуюся жизнь. Какое-то время хмурый Стивен выплачивал больнице н-ные суммы денег, которых было достаточно для правильного ухода за малышом, но время было страшное и совершенно бедное. Потому, спустя год и два месяца Стивену Мордсону пришлось отказаться от содержания еще одного ребенка в его и без того непростой жизни. Наконец-то его драгоценная супруга смогла выдохнуть с облегчением. «Но куда деть ребенка?!» – мысли, не дающие покоя, шумно вертелись в голове Стивена. Тогда он вспомнил собак со свалки, которых подкармливали коллеги, и забрал маленького Джона из больницы жить в рабочий вагончик. Раз собак начальство не гонит со свалки, может, и мальчика не тронут.

Когда Джону Хафу было полных пять лет, Хмурый Стивен ушел из жизни, навсегда покинув сироту вновь одного в проклятом Богом месте. Сердечный приступ застал работающего за любимым делом – в момент прессовки металлического хлама. Он просто внезапно вывалился из своей кабины и

больше никогда не встал.

Директор свалки прознал о мелком приживале и запретил Джону жить в вагончике. Но с территории все же гнать не стал. Нужно понимать, что в то время люди умирали от голода и болезней повсеместно, и позволив мальчику продолжать считать свалку своим домом, начальство показало себя несказанно милосердным. Хотя никто и не верил, что малыш долго протянет в таком месте.

Но Джон обладал величайшей любовью к жизни и уходить из нее никуда не собирался. Несчастный и исхудалый, он нашел в одной из гор старых ржавых авто маленький лаз, в который смог бы пробраться далеко не каждый. Мальчик стал жить внутри огромного старого фургона, заваленного различным мусором, вроде ржавых кондиционеров, старых авто, стиральных машин и рефрижераторов. Оборудованный кожаными рваными диванами, черным журнальным столиком и мягкой желтой обивкой всего корпуса, изнутри старый Peugeot Traveller имел все шансы стать идеальной «берлогой-убежищем». В принципе, в фургоне было все необходимое, так казалось пятилетнему Сороке, а ему, и правда, немного нужно было. Большая часть лобового стекла выглядывала из горы хлама, благодаря чему пускала в салон определенную долю солнечного света в дневное время (хоть застать там Джона днем было практически невозможно). «Для ночёвки более чем достаточно», – считал Джон. В душ же он всегда мог сходить в общественную баню при угледобы-

вающей шахте. Комендант пускала сироту совершенно бесплатно, ей вполне хватало разок заглянуть в удивительные карие глаза этого чумазого мальчика. Вдобавок ко всему, его худо-бедно подкармливали работяги со свалки. Пользуясь этой незамысловатой схемой, Сорока замечательно (на его взгляд) дожил до 10-ти лет.

Руками демонстрируя Умнику размеры пойманной им рыбы, Джон также демонстрировал свои вечно поцарапанные бродячими котами и выпачканные в машинном масле руки. Он просто обожал технику и все что с ней связано. Извечная полоска мазута где-нибудь на щеке – визитная карточка упорного будущего техника, часто потирающего в кропотливом процессе лицо. К сожалению, в силу малого возраста, у Джона пока лучше выходило разбирать, чем собирать что-либо. Но и этот процесс, также как и сборка, требует немало концентрации и усидчивости, чего обычно недостает совсем зеленой пацанве. Выглядел он, как любой другой нищий мальчишка: смолянистые выующиеся волосы, что все время лезут в глаза; обветренная грубая кожа, потемневшая в результате длительного воздействия уличных ветров и палящего небесного светила; поношенная и растянутая, но все еще горячо любимая серо-голубая футболка с дельфинами; черные короткие шорты, резиновые шлепки и небольшая прямоугольная картонная коробочка размером 30x10 см, не более 10 см толщиной. Эта коробочка была его самым большим сокровищем, обнаруженным Джоном в одном

из бардачков старой Шевроле. На коробке была надпись на иностранном языке – один из работников свалки был иммигрантом из бывшей России и смог перевести надпись Джону.

– Здесь написано: «Универсальный молоток. Министерство тяжелого машиностроения. СССР». А вот здесь, под рисунком: «ГОЗ – ЦКТИ г. Ленинград, Дорога в Сосновку, дом 16/1».

Слова работника надолго засели в голове мальчика. «Ну что это еще за дорога в Сосновку? – задавался он вопросом. – Как она выглядит? Наверняка там много зелени, деревьев и редких птиц».

Содержание коробки было следующим: небольшой металлический молоток, насадка которого состояла из ударной части с одной стороны и гвоздодера с другой. В полый цилиндрической рукоятке универсального молотка размещалось пять насадок: плоская и крестовая отвертки, сверло, шило и стамеска. Насадки длиной не более восьми сантиметров можно было легко извлечь, открутив круглое основание рукоятки. Замена происходила следующим образом: открутив по часовой молотковую часть от рукоятки, поместить необходимую насадку внутрь верхней части металлической трубки и закрепить насадку, максимально вкрутив небольшой болтик в специальное отверстие расположенное чуть ниже в трубке. Стержень болтика попадал в специальный паз насадки, прочно закрепляя её, что не позволяло ей играть в стороны. Еще в коробке были две продолговатые насадки-на-

пильника – и все это в совокупности с пожелтевшей коробкой представляло собой самое большое и любимое сокровище десятилетнего мальчика.

В целом Сорока был обычный мальчуган, но глаза... Глаза сильно выделяли его среди бездомных. «Иногда сама себя ловлю на этом. Сидишь, значит, и ждешь. Вот он – момент – когда этот взгляд настигнет тебя: густые черные ресницы распахиваются, а под ними – ну точно два колодца! Глубокие такие... темные... они притягивают тебя против твоей воли. А на дне колодцев, кажется, ангелы притаились. И смотрят ангелы не в глаза тебе, а в самую душу и все видят. Все твои добрые поступки и все скверные. От того мурашки по спине бегут, и становится щекотно внутри» – так отзывалась о Сороке Джейн, старшая дочь владельца местного более-менее приличного бара «Бессонница». Именно Джейн, кстати, и натолкнула местных ребят на прозвище, ныне принадлежащее Джону. Ранее он был известен как Беспалый, но об этом чуть позже.

Сорока Джон Хаф на дух не переносил алкоголь, но в Бессоннице бывал частенько. Для нищего тощего воришки это место являлось практически жизненно необходимым, наверняка одним из основных источников пропитания. Проникая в заведение по своим секретным узким лазам, Сорока как змей появлялся и исчезал под скатертями старых деревянных столиков. Действуя быстро, цепко и бесшумно, он представлял себя опасным хищником. В основном, его добычей

становилась еда. Недавно поданные или давно позабытые закуски, блюда, булки, или молоко (особенно молоко) были обречены. Но случалось и такое, что на каком-то столе или в кармане пиджака, размещенного на спинке стула беспечным владельцем, может оказаться драгоценная блестяшка: кольцо, серьга, бумажник, брошь или, как часто бывает, телефон. Посетители нередко отвлечены какими-то важными делами в интернете, и именно в этот момент они максимально уязвимы. Естественно, нередко случалось быть пойманным. Когда конфликт касался еды, то Сороке достаточно было прибегнуть к двум глубоким колодцам, освободить пару слезинок и попросить прощения. Но когда речь шла об украденных драгоценностях, то тут уж как ни выкручивайся, а все равно твой воротник окажется в крепкой руке мистера Норсвуда, хозяина «Бессонницы».

Гарри Норсвуд был человеком сурового нрава и представлял собой образец мужественности и характера. При весе в 125 килограмм и росте 220 сантиметров он мог вполне серьезно побороться с быком. Его крепкие руки и плечи были насквозь пронизаны прочными жилами, а широкая спина едва проходила в дверь. Этот мужчина дорожил своей красивой пышной бородой, цветом напоминающей медно-бронзовый сплав, но на голове волосы вовсе не берег. Она была гладко выбрита и в совокупности с высоким лбом приобретала форму полусферы. В прошлом Гарри был лесорубом, потому, как и любой другой уважающий себя дровосек, сохра-

нил привычку держать лицо кирпичом, не расточая мимолетные эмоции направо и налево. Посетителей всегда забавляло, когда здоровенный титан Норсвуд в гигантских штанах, закрепленных на середине живота таким же гигантским коричневым ремнем, шагал через весь зал к выходу, держа попавшегося в капкан его стальной руки бездомного сорванца, напоминавшего мелкого котенка, смиренно застывшего в зубах мамыши-кошки. Наблюдая за этой картиной, работающая за барной стойкой Джейн, огорчённо хлопнув в ладоши и качая головой, проговаривала: «Вот ведь сорока, а?!». Ей было жалко мальчишку, но и перечить отцу она не решалась. И дело вовсе не в том, что Джейн была робкой и трусоватой 20-ти летней девочкой, а в том, что никто никогда не решался перечить Гарри Норсвуду. С тех самых пор прозвище «Сорока» прочно прилипло к Джону.

– Тогда-то я не подозревал, чем придётся заплатить за сома, – тяжело вздыхая, продолжал рассказ Сорока, – Клянусь всеми своими целыми пальцами – еще ни одна рыба не требовала от меня такой решимости!

– Дальше-то что было? – нетерпеливо давил Умник. Он отлично знал, чем заканчивается история, и уже тысячу раз слышал её, но ему нравилось переживать этот момент с Сорокой снова и снова, т.к. с «правильными» мальчиками, как говорит его мама, таких злоключений никогда не случалось. Родители прикладывали максимум усилий, дабы избежать подобного.

– Дальше? – Джон Хаф снова вскочил с места и стал наглядно движениями рук и ног демонстрировать произошедшее для достижения максимальной полноты картины. – Сом оказался в моих руках! Подводному гиганту больше не править в озере – я избавил его от этого бремени – он это понимал, и я это понимал. Я с трудом вынул крючок изо рта моего будущего ужина и хотел было опустить его в ведро с водой, но... Внезапно! Дикая! Оголодавшая и от того отчаянная псина, что было сил впилась острыми как бритва зубами в рыбу в моей руке! Могучий «капкан» из двух рядов собачьих зубов заключил в себе часть сома и мои два бедных несчастных пальца.

И тут Сорока закричал что было силы, как может кричать от острой боли десятилетний мальчик. Испуг заставил Умника откинуться назад.

– Боль была адская! – продолжил пострадавший, – Но рыбу я не отпустил. Я тоже был голодным и отчаянным и даже не думал уступать этой СОБАКЕ! Что было сил я врезал зверюге по голове. А пес был с меня ростом!

– Нет, не был, – перебил его Умник.

– Ладно, не был. Чуть поменьше был! Мой раскалывающий камни удар поверг его в панику – он откусил что удалось и удрал прочь. Кусок сома и мой мизинец он прихватил с собой, а упавший на пол безымянный – я в приступе гнева бросил ему в спину.

И Сорока демонстративно поднес к лицу руку, шевеля по

очереди тремя целыми и половиной безымянного пальца. Мизинец на «собрание» не пришел.

– Не болит? – удостоверился Умник.

– Да, это ж давно было, – махнул рукой гордый мальчик, – Два года уж с тех пор прошло.

– Это произошло на самом деле, только собака была поменьше, – вмешался в разговор появившийся из-за угла невысокий круглый мальчик с полными красными губами, хомячьими щеками и светлыми волосами. Сопровождающий его хромой мальчишка был гораздо выше, угрюмее и однозначно старше их всех. С виду ему было тринадцать.

– Пойдемте на водонапорную башню! Будем смотреть закат! – обратился толстяк ко всем присутствующим веселым и звонким голосом.

ЛикМик-Таг, так звали толстяка (также назывался известный шоколадный батончик), и Хромой были выходцами из семей, которые могут себе позволить немного. Хромого высокого мальчика прозвали так тоже по вполне очевидным причинам. Слухи о его недуге до сих пор не были подтверждены.

Мальчишки встали, обтрусилась от пыли и стали обуваться.

– А что с призом? – спросил Сорока, подобрав с пола коробку с универсальным молотком.

– После доиграем, – ответил Умник и забрал с призового пня новехонькие синие кеды, подаренные ему матерью днем

ранее.

Все вместе они направились в сторону озера, откуда виднелась высоченная ржавая водонапорная башня с исполинских размеров до отказа наполненной водой бочкой наверху.

Глава вторая

Кислая, Сладкая и

«люди после шести»

Город двух-, трех-, и пятиэтажных зданий готовился к окончанию очередного рабочего дня. О том, заглядывая в окна трудяг, напоминало уже наливавшееся свежим апельсиновым светом крупное остывающее солнце, стремящееся поскорее уже скрыться в глубине желтой, потрескавшейся земли где-то за городом.

Прогуливаясь по узким улицам и пробираясь через торопящихся домой усталых жителей города, четверо мальчишек громко обсуждали темы сверхважные, требующие внимательного подробного рассмотрения. Грубые и кислые мины «людей после шести» (так ЛикМик-Таг прозвал торопящихся домой, истощенных работой местных жителей, чей рабочий день заканчивался в 18:00) не сдерживали ни злости, ни раздражительности в моменты, когда шумная непредсказуемая шпана вынуждала их лавировать по тротуару меж детей. На что в ответ получали насмешливые кривляния и гримасы с использованием то языка, то пятой точки.

Если вы прислушаетесь в момент этой прогулки к нашим героям, то услышите, что речь шла о Храме и его травме ноги, а точнее, пятки. По одной из историй, этот вечно угрю-

мый и молчаливый мальчик был втянут в потасовку с бандой соседнего района. Он вступился за девчонку, над которой без каких-либо веских причин постыдно измывались жестокие дети. Хромой вырос стеной перед заплаканной сопливой жертвой издевок и, гордо задрав подбородок, принял тяжелый бой сразу с тремя обидчиками. Храбрости, воли и выносливости ему хватило ровно на тот временной отрезок, чтобы маленькая спасенная девочка успела убратся подальше. Как только он периферийным зрением засек исчезновение желтого платья за углом дома в конце улицы, смог позволить себе заплакать под тяжестью мощных ударов. Нанеся последний удар наотмашь, и крепко угодив кулаком одному из подлецов прямо в его крупный приплюснутый нос, Хромой принялся бежать. Уходя от погони, ныряя из переулка в переулок, он в итоге угодил в тупик. Не растерявшись, юный спринтер ловко перемахнул через двухметровый забор из рабицы. Двое догоняющих выдохлись гораздо раньше, и потому карабкаться по противной алюминиевой сетке не решились, посчитав более важным оказать необходимую помощь своему товарищу с разбитым носом.

– Это ведь было еще до вакцинации? – с легкой грустью в голосе произнес ЛикМик-Таг, обращаясь к своему высокому угрюмому другу. Все взглянули на Хромого. Тот только медленно моргнул и слегка кивнул головой, не сводя пустого взгляда с какой-то точки впереди.

– Уйти-то ушел, но сломал себе пятку! И провел пять ме-

сяцев дома в кровати, – ЛикМик-Таг знал, о чем говорит, т.к. с Чарли (после – известным как Хромой) они были ближайшими соседями, – Нога-то зажила, но вот хромота осталась.

Полный лучший друг знал времена, когда Хромой был веселым и открытым мальчиком... до вакцинации.

– Даа... Не самый приятный трофей после достойного боя, – заметил Умник, протирая свои очки углом рубашки. Поместив их обратно на свое место на лице, он положил руку на плечо молчаливого приятеля и добавил, – Смелость и гордость – те самые качества, которые делают великих людей – великими! Так говорит мой отец.

– Вот-вот, – снова включился милый толстячок ЛикМик-Таг, – Хотя я и считаю всех девчонок такими же пусто-головыми, как их куклы, но поступок Чарли – это поступок настоящего мужчины.

– Она была красивой? – обратился Сорока к Хромому.

– Кто?

– Ну, девочка... за которую ты вступился.

Хромой, наконец, оторвал взгляд от пола и, весь окутанный романтичными воспоминаниями, взглянул на небо.

– Очень, – сорвалась тихая фраза с его губ.

– Какой же? – не отставал Джон.

Тяжко вздохнув, угрюмый Хромой стал тихо описывать одиннадцатилетнюю девочку:

– Голубые глаза, веснушки, волосы цвета пшеничного поля, желтое платье... и запах гвоздики – вот все, что я помню

о ней.

Ребята затихли. Какое-то время они шли молча. «Блондинка значит. Блондинки мне по нраву», – думал про себя Сорока, почесывая тремя с половиной пальцами подбородок.

В тишине банда прошла немного, за рыбным магазином Дядюшки Моргана открылся вид на небольшую детскую площадку с песочницей, горкой и качелями на цепях. Там по склонам старой ржавой горки с любимыми куклами в руках скользили две черноволосые девочки. Внешне абсолютно идентичные, сестры-близняшки были очень разными на деле. Одетые в пару черных маек и пару розовых коротеньких шорт, их можно было отличить только по цвету обручей с кошачьими ушками на голове. У Кэролин ушки были красного цвета, а у Моники – черного.

– Э-хей! Сладкая! Горькая! – окликнул их ЛикМик-Таг через дорогу.

Девочки повернулись одновременно и одновременно наклонили головы направо, сохранив застывший вопросительный взгляд на лице. Со стороны это казалось немного жутковато. Такой фокус они проделывали уже не впервые, т.к. сестрам нравилось наблюдать за странной реакцией обычных людей, не имевших близнецов и дивящихся подобной синхронностью.

– Мы идем к АЦ-600 смотреть закат, присоединяйтесь! – пригласил девушек Сорока, махая рукой с тремя с полови-

ной пальцами. В правой руке он, как всегда, сжимал свою небольшую картонную коробку.

Сестры перешли дорогу на сторону, где их ждали мальчишки. За абсолютную противоположность характеров девочек прозвали Сладкой и Горькой. Сладкая, улыбчивая и нежная, подошла и не спеша поцеловала каждого из мальчишек, заставив тех разом побагроветь. «Брюнетки мне по нраву», – получив внезапный поцелуй, подумал про себя Сорока и улыбнулся.

– Здорова! – выдала Горькая Моника и с размаху хлопнула по плечу Умника, да так сильно, что он только чудом успел поймать слетевшие с переносицы очки.

Сестры тоже были из семьи второго класса, их родителям приходилось трудиться в поте лица в корпорации «Интро Индастриз», где они каждый вечер превращались в «людей после шести».

– Ты когда себе новые пальцы пришьешь? – с наглой ухмылкой обратилась к Сороке Горькая.

– Пальцы? – переспросил Сорока. – Мне они ни к чему! Во-первых, я другие не хочу, мало ли кому они принадлежали, а во-вторых, я без них выгляжу более мужественным.

Сорока скрестил руки на груди и взглянул двумя черными колодцами прямо в наглые глаза Горькой. Громко хмыкнув, курносая девочка отвернулась в сторону.

– Очень жаль! – сказала она, – Тут недавно в больницу забрали одного бродягу, так я успела заметить завидную па-

ру пальцев на его левой руке, и сразу подумала о своем друге Сороке. Они бы тебе очень пошли! – протянула она последнюю фразу, высокомерно взглянув на левую руку Джона. Наглая острячка едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.